

61.7
19352

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, КРЕСТЬЯНСТВА И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
к 75 летию
АКАДЕМИКА
Николая Михайловича
ДРУЖИНИНА

„Дом Плеханова“

№ 2317 К

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

1 9 6 1

«ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ» И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

1878—1879 годы представляют собой в истории революционно-народнического движения сложную и ответственную полосу. С нарастающей остротой выдвигался, сначала в большей мере стихийно, вопрос о политической борьбе, неразрывно тогда связанный в сознании участников движения с вопросом о терроре. К весне 1879 г. более или менее определилось деление на два основных течения; в недрах «Земли и воли» и в ее ближайшем окружении возникла группа сторонников террора как средства политической борьбы («Свобода или смерть»). В июне 1879 г. в Липецке собрался съезд политиков-террористов и немедленно вслед за ним общий землевольческий съезд в Воронеже, на котором взволнованно и страстно обсуждались спорные вопросы движения. В августе произошел раскол народнического общества «Земля и воля», вместо которого возникли «Народная воля», объединившая сторонников террористической борьбы с правительством, и «Черный передел», объявивший себя хранителем прежних принципов и тактики ортодоксального народничества — землевольчества.

Об этом моменте Г. В. Плеханов в 1883 г. в своем первом марксистском труде «Социализм и политическая борьба» писал: «Все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, идти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества»¹.

Интересно, однако, что в одно время с Плехановым автор другой работы, вышедшей подпольно в России литографированной брошюры «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции»², утверждал, что «отрицание политической борьбы» не составляя «специфического признака народничества», «со времени разделения фракций совсем не входило в программу народников»³. Мнение

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, изд. 3. М.—Л., 1925, стр. 29.

² Брошюра имеет дату написания «Ноябрь 1883 г.», издана в 1884 г. под именем Алексеева; автором брошюры, как многое заставляет думать, был видный народник чернопередельского направления Юлий Алексеевич Бунин, См.: Н. Сергиевский. Народничество 80-х годов.— «Историко-революционный сборник», т. III, М.—Л., 1926, стр. 166—167 (Юлий Бунин здесь ошибочно назван Юрием); «Деятели революционного движения в России». — Биобиблиографический словарь, т. III, вып. I. М., 1933, стб. 460—462.

³ «Историко-революционный сборник», т. III, стр. 195. В качестве главного, «специфического» признака народничества брошюра указывала на то, что «коренное, серьез-

Ю. А. Бунина, автора брошюры «Несколько слов...», впоследствии было сочувственно встречено в исторической литературе. Н. Л. Сергиевский, известный историк позднего народничества и ранней русской социал-демократии, целиком поддерживал утверждение Юлиа Бунина⁴.

Решение вопроса дается анализом источников, и прежде всего самого надежного источника: текста программных выступлений чернопередельцев при возникновении их фракции.

Первым по времени печатным заявлением чернопередельцев было объявление об издании газеты «Черный передел», опубликованное в № 1 «Народной воли» в октябре 1879 г. Подчеркнув свою полную солидарность с передовыми статьями пяти номеров прекратившегося издания «Земля и воля», редакция «Черного передела» одной из своих целей провозгласила «предостережение» социально-революционной партии от «излишнего увлечения задачами чисто политического характера», которое способно «отвлечь партию от единственно возможного для нее пути — агитации на почве требований народа, выражаемых лозунгом «Земля и воля»»⁵.

В подготовленном к декабрю 1879 г. номере «Черного передела» вопрос о политической борьбе был отчасти затронут в первой общепрограммной статье «Черный передел», принадлежавшей перу Г. В. Плеханова, а также довольно детально освещен в статье «Письмо к бывшим товарищам» (т. е. к народовольцам), составление которой выпало на долю О. В. Аптекмана⁶.

В своей статье Плеханов пропагандировал общие положения русского народнического бакунизма. «Разрушение государственной организации» он объявлял «первой задачей» русских революционеров, необходимой предпосылкой «максимального изменения к лучшему общественно-экономического строя» на основе правильного развития традиционных «форм русской народной жизни». «Толкая народ в активную борьбу с государством, — писал Плеханов, — воспитывая в нем самостоятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия и для сообщения народу путем пропаганды словом и делом правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «Черного передела», долженствующего совершиться сверху (другими словами, от ожидания передела земли по воле, по «милости» царской власти. — Ш. Л.), до активных требований «Земли и воли», предъявляемых снизу». Надеясь, надо думать, и на планы народовольцев, Плеханов заявлял: «Все другие пути действия, как бы ни казались эти радикальны, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что все они предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью»⁷.

ное изменение социально-экономических условий мыслимо лишь при сознательном и активном отношении к своему положению народа», что «партия тогда будет силой, когда она станет органическим представителем народа». — Там же.

⁴ Н. Сергиевский. Указ. статья, стр. 167; его же «Черный передел» и народники 80-х годов. — «Каторга и ссылка», 1931, кн. 1 (74), стр. 10.

⁵ «Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 22.

⁶ Впоследствии Аптекман писал в своих мемуарах: «Совет (чернопередельцев. — Ш. Л.) поручил мне, по предложению Плеханова, написать статью полемического характера... по поводу раскола общества «Земля и воля». Как я ни отказывался, но работа эта мне была навязана» (О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям, изд. 2. Пг., 1924, стр. 395).

⁷ См. «Памятники агитационной литературы», т. 1. Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М. — Пг., 1923, стр. 112—115, а также Г. В. Плеханов в Соч., т. 1, изд. 2. М., Пг., 1923, стр. 114—117.

В характеристике «Письма к бывшим товарищам» Аптекмана в исторической литературе существует немалая разногласица. Наблюдалась даже тенденция к резкому противопоставлению позиций Аптекмана и Плеханова. Н. Л. Сергиевский отстаивал парадоксальную точку зрения, что из авторов органа «Черного передела» единственным бакунистом был Плеханов, что, в частности, у Аптекмана «постановка вопроса... совершенно не та, как у Плеханова»⁸. Феликс Кон, признавая, что взгляды «Письма...» уже не столь враждебны «политике», как позиция, защищавшаяся противниками террористов на Воронежском съезде, не видит, однако, тут какого-либо своеобразия взглядов автора «Письма к бывшим товарищам», а рассматривает это как выражение всей чернопредельческой линии на данном этапе. «Это «Открытое письмо», — указывал Кон, — полностью отражает взгляды «Черного передела» в первой стадии его существования»⁹. Последний вывод верен, по крайней мере, если говорить о руководящих кругах «Черного передела». Вспомним, что и сам Плеханов в «Наших разногласиях», споря с Львом Тихомировым, ссылался на «Письмо к бывшим товарищам», как на документ, отражающий взгляды основателей «Черного передела»¹⁰.

Возникает вопрос: не высказывает ли действительно «Письмо к бывшим товарищам» существенно новый для революционных народников взгляд на политическую борьбу? Или хотя бы новый — для народников-бакунистов, как думал, например, Н. Л. Сергиевский?

В «Письме...» всегда обращали на себя внимание некоторые места, где автор декларирует свое сочувствие идеям политической свободы и даже конституции. «Не думайте, пожалуйста, товарищи, — писал Аптекман, — что я вообще против конституции, против политической свободы. Я слишком уважаю человеческую личность, всех честных и искренних людей, чтобы быть против политической свободы». Он указывал далее, что идея политической свободы отнюдь не чужда самому народу — свобода для народа составляет такую же потребность, как и для интеллигенции¹¹. Но, наряду с этим в «Письме...» красной нитью проходит противопоставление политики социализму, политической и экономической борьбы. «Лучшие передовые люди на Западе, — по словам Аптекмана, — отказались в настоящее время от идеалов политической свободы, как отживших свое время, и избрали своим лозунгом социализм»¹². Присоединяясь к мнению, что в основе общества «лежат главным образом отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и пр.», Аптекман считал естественным, что «каждая живая партия должна избрать точкою приложения своих сил базис данного общества — его экономические отношения»¹³. Таким образом, Аптекман фактически повторял хорошо известную аргументацию Бакунина, который в неправомерно, механистически истолкованных положениях исторического материализма пытался найти обоснование своему выводу об отказе от политической борьбы, о ненужности и вредности любой государственной организации.

⁸ «Историко-революционный сборник», т. III, стр. 156.

⁹ Феликс Кон. История революционного движения в России, т. I. Харьков, 1929, стр. 100—103.

¹⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 161—162.

¹¹ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 136—137. Однако, с другой стороны, автор пророчил, что народ «не станет за конституцию, как это было всегда и повсюду» (там же, стр. 135).

¹² Там же, стр. 129.

¹³ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 124. Аналогичную мысль в том же номере «Черного передела» высказал Плеханов: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных..., то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим» (там же, стр. 112).

« Политическую борьбу в современной России Аптекман, по существу, представлял себе лишь в тех формах, какие практиковала и проповедовала «Народная воля», — в формах террора и заговора (с надеждой на захват власти). Революционная работа в народе, на необходимости которой Аптекман весьма справедливо настаивал, в результате оказывалась какой-то антитезой политической борьбы вообще. Доказывая, что в принципе он не против конституции, Аптекман тем не менее всячески запугивал читателей перспективой осуществления конституции в России при существующих условиях, будучи убежден, что ввиду неорганизованности народных сил она могла бы лишь способствовать развитию буржуазии. При всей противоречивости, иногда неясности, тех или иных положений и аргументов «Письма к бывшим товарищам» в целом в нем довольно определенно просвечивала характерная народническая идея одновременного разрушения путем крестьянского восстания существующего экономического и государственного строя, на развалинах которого возникнет «новое, созданное самим народом общество»¹⁴.

В пользу только что приведенной трактовки программного выступления Аптекмана говорят, на наш взгляд, позднейшие свидетельства самого автора. В статье 1906 г. «Из-за чего мы разделились?» Аптекман писал: «Мы, ортодоксы, крепко держались современного опыта, санкционируемого теоретической и практической мыслью Запада, — мы держались за *массы* народные: через них и посредством их, т. е. масс, мы стремились осуществить *экономическую* революцию, реализуя в последнем ее счете, как *побочный* ее продукт, и *политическую* свободу». (Очень показательные подчеркивания принадлежат самому Аптекману.) К сказанному Аптекман добавлял: «Эти положения... я подробно развил в моем полемическом «Письме к бывшим товарищам», помещенном в первом номере органа «Черный передел»¹⁵. Любопытно также признание, сделанное Аптекманом примерно в то же время в другой статье: «Я более, чем кто-нибудь из бывших землевольцев, был тогда и оставался долго еще *ортодоксом*»¹⁶.

Один из литераторов, писавших о «Черном переделе», еще в начале 1900-х годов отмечал по поводу слов «Письма к бывшим товарищам» о сочувствии идее политической свободы и конституции, что они «звучат как будто тоном робкой уступки, которую враг революционного новаторства вынужден с неохотой сделать духу времени»¹⁷. В этом замечании безусловно есть доля истины. Но нельзя забывать и того, что если не к «конституции», то к гражданским свободам *как к принципу* революционные народники 70-х годов не могли относиться отрицательно, и как раз в конце 70-х годов требование этих свобод все чаще ставилось в порядок дня (еще до раскола). Все дело в том, что достижение их мыслилось правоверными народниками большей частью как «побочный продукт» социального переворота. В общем русле такого народнического понимания «политики», борьбы за свободу развивалась мысль, или, по меньшей мере, основное направление мысли автора «Письма к бывшим товарищам» — исключительно важного программного документа начального чернопеределчества.

Если нельзя согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые с самого основания «Черного передела» готовы находить в нем более или

¹⁴ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 140.

¹⁵ И. В. [так в тексте!] Аптекман. Из-за чего мы разделились? — «Современная жизнь», 1906, сентябрь-октябрь, стр. 138.

¹⁶ Критическая статья о журнале «Былое», помещенная Аптекманом в журнале «Современная жизнь», 1906, ноябрь, стр. 237.

¹⁷ Ю. Невзоров (Под этим именем тогда писал Ю. М. Стеклов. — Ш. Л.). Отказываемся ли мы от наследства? Женева, 1902, стр. 64—65. Перепечатано: Ю. М. Стеклов. Борцы за социализм, ч. II, изд. 2. М.—Л., 1924, стр. 151.

менее ясно выраженный разрыв со всеми старыми позициями народничества в вопросах «политики», то невозможно принять и противоположный взгляд, игнорирующий эволюцию чернопередельчества в отношении к политической борьбе или — в иных случаях — отодвигающий эту эволюцию на самый конец существования «Черного передела». Например, в «Истории русской экономической мысли» (в главе, посвященной народникам 70-х годов) обойден вопрос о перемене в отношении чернопередельцев к политической борьбе, о чернопередельцах говорится только как о противниках такой борьбы¹⁸. В действительности чернопередельцы в своем большинстве и в лице своих самых авторитетных представителей очень скоро после раскола «Земли и воли» стали пересматривать ортодоксально-народническое отношение к «политике».

Для неуверенности и колебаний, сказавшихся у некоторых чернопередельцев даже в самые первые месяцы после раскола, характерны действия одного из их видных работников — Михаила Попова (будущего шлиссельбуржца), который зимой 1879/80 г. в Киеве и Одессе уже настойчиво хлопотал об объединении деятельности местных чернопередельцев и народовольцев¹⁹.

Но много важнее для истории «Черного передела» события, происходившие на севере, а также в эмиграции. В Петербурге после вынужденного отъезда за границу таких лидеров «Черного передела», как Плеханов, Стефанович, Вера Засулич, Дейч, и после большого провала, при котором погибла типография, были арестованы Аптекман и другие (январь 1880 г.). Снова оформилась значительная чернопередельческая группа во главе с П. Б. Аксельродом (в ее состав вошли А. П. Буланов, К. Я. Загорский, М. И. Шефтель и др.). Тут была разработана новая программа, одобренная и московскими чернопередельцами. В своем обзоре революционного движения в России, написанном в октябре 1880 г. для цюрихского (немецкого) «Ежегодника социальной науки и социальной политики», Аксельрод (уже к этому времени эмигрировавший из России) объяснял необходимость составления новой программы общим брожением мыслей («Gähnung der Geister») и различными идейными шатаниями, тем, что многие вопросы, поставленные расколом «Земли и воли», не были рассмотрены в первом номере «Черного передела». Между тем они вызвали возбуждение умов среди студенчества и передовых рабочих. При этом он указывает, что ввиду правительственных преследований полностью негативное отношение социалистов к вопросу о политической свободе даже для самых крайних противников «Народной воли» оказывалось невысказанным²⁰. Дело, несомненно, было не в одних репрессиях, а во всей обстановке революционной ситуации и в определенном воздействии народовольческой борьбы, привлекавшей внимание и симпатии широких кругов демократической интеллигенции и рабочих, а также в настроении части чернопередельческой среды. Как бы то ни было, в новой программе звучали и новые ноты. Надо заметить, что основная — развернутая — программа и объяснительная записка к ней не увидели света. Известная программа «Северно-русского общества «Земля и воля», напечатанная во втором номере «Черного передела» и являвшаяся итогом переработки доставленной из Петербурга в Швейцарию краткой практической программы, «программы действия». Переработка потребовалась в связи с разногласиями, возникшими между составителями петербургской про-

¹⁸ История русской экономической мысли, т. II, ч. 1. М., 1959, стр. 460—462 (автор главы Н. К. Каратаев). Такое же освещение вопроса встречаем во вступительной статье Н. К. Каратаева к сб. «Народническая экономическая литература». М., 1958, стр. 40—41, где, впрочем, есть и некоторое отступление от него в примечании на стр. 665.

¹⁹ М. Р. Попов. Записки землевольца. М., 1933, стр. 225 и сл.

²⁰ «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Herausgegeben von Ludwig Richter. Zweiter Jahrgang (далее: «Jahrbuch...»). Zürich, 1881, S. 284.

граммы и эмигрантами-чернопередельцами и касавшимися, в частности, редакции «ближайших» требований²¹. Видимо, группа эмигрантов во главе с Плехановым в тот момент еще не была готова пойти так *сравнительно* далеко в постановке вопроса об этих требованиях, т. е. о формулировании своего рода программы-минимум, экономической и политической, как это имело место в первоначальном проекте, принятом в Петербурге. Политической проблеме была посвящена заключительная часть «Программы Северно-русского общества «Земля и воля». Исходя из положения, что «всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплуатирующего меньшинства» и что Российское государство эту «тенденцию» выражает особенно беззастенчиво и грубо, программа признавала необходимость «непосредственной борьбы» с представителями государства в России в форме политического террора. Однако сосредоточение не только всех, но даже главных сил на такой борьбе противоречило, по мысли программы, основной задаче — подготовке аграрной революции (как переходной ступени к «полному» социалистическому переустройству общества). Программа считалась с «возможностью» «конституционного движения» в России (по существу, имелось в виду торжество такого движения) и признавала необходимость выставления своих кандидатов «во время избирательной агитации» с целью ослабить в народе веру в мирные легальные реформы и укрепить надежды на революцию²². Говоря об агитации среди городских рабочих «на почве частных поводов недовольства», программа упоминала стачки, вопросы заработной платы и рабочего дня, но обходила чисто политические лозунги. Сопоставляя это с последними абзацами программы, трактующими о политике, Аксельрод впоследствии в своих мемуарах пришел к заключению об «эклектизме» нового варианта программы, не меньшем, по его свидетельству, чем в первоначальном петербургском проекте²³.

Незавершенность, противоречивость программы, одобренной ведущими чернопередельцами в эмиграции летом 1880 г., не подлежит сомнению. Но она была все-таки показателем заметных сдвигов в позиции чернопередельцев²⁴. Не освободился от подобной половинчатости и Г. В. Плеханов, как автор передовой статьи в том же втором номере «Черного передела», в котором была опубликована «Программа Северно-русского общества «Земля и воля», хотя эта статья и отражает происшедшие со времени раскола существенные сдвиги (в вопросе о политической борьбе и, кстати сказать, в ряде других важных вопросов)²⁵. Плеханов в этой статье предсказывал вероятность того, что происходящий спор о власти между «отживающим абсолютизмом и нарождающейся буржуазией» разрешится

²¹ П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. I. Берлин, 1923, стр. 356—357, 368—369; его же. Товарищам в Швейцарию. — «Группа «Освобождение труда», сб. № 3, М.—Л., 1925, стр. 139—142; его же. Письма к Л. Дейчу. Там же, сб. № 5, М.—Л., 1926, стр. 244.

²² «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 196—199.

²³ П. Б. Аксельрод. Указ. соч., стр. 368—369.

²⁴ Масштаб этих сдвигов несколько преувеличен у Аптекмана, рассматривавшего программу 1880 г. как показатель «огромного успеха» народников «в смысле выяснения *политического* сознания» («Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 97).

²⁵ Мы здесь имеем в виду новые ноты в оценке экономического развития России и соответственно сравнительного значения разных общественных сил в революции. «Мы не в состоянии определить заранее, — писал Плеханов, — из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России... Если грозе социального переворота суждено предупредить значительные изменения в общественном строе России — главный интерес этого переворота сосредоточится на вопросе аграрном. Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим

«пожалованием» конституции. Какова должна быть в этом споре позиция социалистов? Конечно, не социалистам, отрицающим всякое подчинение человека человеку и несущим столько жертв в борьбе с существующим режимом, оплакивать падение деспотизма. «Мы знаем цену политической свободы, — заявлял Плеханов, — и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем. «Света, больше света!» — На этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России»²⁵ (курсив мой. — Ш. Л.).

Для автора передовой статьи в № 2 «Черного передела» нет сомнений в необходимости политической свободы; он признает самую задачу «ее завоевания»; одновременно он с полным основанием продолжал считать, что социалистическая партия «без почвы и влияния в народе» — это бессмыслица (nonsens), «штаб без армии», «мнимая величина». Деятельность в народе должна стоять «превыше всех задач» как источник силы и успехов партии. Однако эту-то деятельность Плеханов и теперь фактически продолжал отделять от задач политической борьбы. Впадая даже в некоторое формальное противоречие с «Письмом» Аптекмана в первом номере «Черного передела», Плеханов утверждал, что для народа политические вопросы имеют второстепенное значение, «если не игнорируются им совершенно», и в этом он странным образом видел «залог несомненного успеха для социалистов». Подчеркнув сначала свое весьма сочувственное отношение к политической борьбе, он несколько дальше отводит ей все же «второстепенное значение» и предостерегает против всякого уклонения «с пути экономической революции»²⁷.

Противоречия, в которых билась чернопредельская мысль в 1880 г., проявились и в упомянутом немецком обзоре Аксельрода. Он писал, что, хотя политические вопросы безусловно подчинены экономическим, социалистам при исключительно варварском характере правительственной системы ничего не остается, как посвятить часть своих сил специально борьбе против правительственных властей, причем, как и прежде, деятельность в народе, направленная к радикальному экономическому и политическому перевороту, составляет их главную задачу²⁸. Устанавливая невозможность вполне негативного отношения к политической борьбе, он как бы мимоходом отмечает, что вследствие дезорганизованности народа конституционный режим не принесет последнему существенной пользы²⁹. И, наряду с этим, хотя и подвергнув достаточно суровой критике идеологические позиции «Народной воли», он посвящает одновременно почти целую страничку восхвалению заслуг «Исполнительного комитета» (не разграничивая, правда, так называемого Исполнительного комитета донародовольческого от народовольческого Исполнительного комитета). «Без преувеличения можно утверждать, — писал он, — что в истории борьбы за политическую свободу в России Исполнительный комитет оставит глубокое, неизгладимое влияние. Никогда впоследствии либералы не смогут оспаривать, что кровь социалистов очистила страну от варварского абсолютизма»³⁰.

центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам» («Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 195; ср. некоторые соображения по этому поводу в работе М. Поташа «Народнический социализм». М. — Л., 1930, стр. 142—143 и в книге В. Невского «Очерки по истории Российской Коммунистической партии», т. I, изд. 2. Л., 1925, стр. 203).

²⁶ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 188.

²⁷ Там же, стр. 188—190.

²⁸ «Jahrbuch...», S. 288.

²⁹ Ibid., S. 284.

³⁰ Ibid., S. 305.

Пути и темпы перехода на новые позиции в вопросах политической борьбы у разных представителей «Черного передела» не вполне совпали³¹. Для Плеханова наряду с воздействием напряженной обстановки, сложившейся в России, исключительно большое значение имело все более глубокое усвоение им учения Маркса и все большее знакомство с опытом рабочего социалистического движения в Западной Европе. Впоследствии Плеханов писал, что ко времени выхода второго номера «Черного передела» он был уже наполовину сторонником марксизма (социал-демократом)³². А теория Маркса, как писал он в другом месте, «превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции,— именно борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма»³³. Статья Плеханова в № 2 «Черного передела» была одной из промежуточных вех на этом пути.

Следующая веха — составленное им для № 3 «Черного передела» краткое «Заявление прежних издателей «Черного передела»» и опубликованное там же его письмо в связи с возобновлением издания «Черного передела» в самой России. Это письмо в исторической литературе именовали и социал-демократическим, и предсоциал-демократическим. Второе определение гораздо правильнее. «Мы понимаем всю важность переживаемого нашим отечеством политического и экономического кризиса и не мы будем ополчаться на защиту отжившего самодержавия», — писал Плеханов. Он признавал, что вне сознательного и активного участия народа самая героическая революционная борьба принесет пользу одним общественным верхам. «Чтобы достигнуть своего освобождения, народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам всех исторических формаций, всех фазисов развития страны» (имелись, конечно, в виду и крепостнические и капиталистические эксплуататоры). Русская социалистическая партия должна признать главной целью своих усилий «создание социально-революционной организации в народной среде, причем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой организацией правительству и высшим классам», а другую часть этих требований составят «насуточные экономические реформы». «Исходя одинаково из народной среды,— заключал Плеханов,— эти два рода требований будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством того, что предстоящий политический переворот совершится в интересах не одних только высших классов»³⁴.

«Заявление прежних издателей...» и письмо Плеханова датированы январем 1881 г. Третий номер «Черного передела», где они помещены, помечен мартом 1881 г., но фактически он вышел не ранее конца мая. В то же время, когда готовился к печати номер, в России появился новый вариант чернопеределъческой программы под названием «Программа Народной партии». Она вышла отдельным листком с датой «7 апреля 1881 г.» (в том же году перепечатана за границей в журнале «Вольное

³¹ Заметим, что и Яков Стефанович за границей (в Женеве) во второй половине 1880 г. признавал необходимость политической борьбы в своей брошюре «Злоба дня».

³² Статья «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника народной воли»» (1903 г.) — Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, 1926, стр. 26.

³³ Статья «Первые шаги социал-демократического движения в России» (1909 г.) — Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, 1927, стр. 179.

³⁴ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 239—241. (Ср. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 134—136). — Приходится возразить Ю. З. Полевому («Зарождение марксизма в России». М., 1959, стр. 151), будто в «Заявлении прежних издателей «Черного передела»» в № 3 журнала Плеханов выразил верность «старой» землевольческой программе». Вне всякого сомнения, Плеханов писал о солидарности с программой «Северно-русского общества «Земля и воля»» 1880 г., опубликованной в № 2 «Черного передела». Это уточнение весьма существенно для понимания всего хода дел.

слово»). Степень приближения авторов «Программы Народной партии» к социал-демократической позиции в целом была, несомненно, гораздо меньше, чем у Плеханова к этому же времени, меньше, чем и у его товарищей по эмиграции; но и эта программа высказывалась в пользу политических требований. Именно в конце второго раздела программы, озаглавленного «Практический путь для достижения непосредственной задачи партии», выдвигался ряд требований, как «поводы к массовой агитации»³⁵, «в области экономической» (увеличение крестьянского землевладения, уменьшение податей, сокращение рабочего дня и т. д.) и «в области политической» (охрана личной неприкосновенности, свобода печати, союзов, собраний, «участие народа в управлении» и пр.)³⁶. Обстоятельный комментарий к «Программе Народной партии» был дан в передовой статье № 3 «Черного передела». Организацию народных сил «во имя экономических требований народа» передовая называла «основной и постоянной задачей» партии. Но вместе с тем авторы заявляли, что они нисколько не игнорируют «других задач и приемов борьбы за народное освобождение», не игнорируют «политических потребностей и политической деятельности народа». «Мы знаем,— говорилось в передовой,— какое значение (очевидно, какое узкое, ограниченное значение.— Ш. Л.) имеет для народа политическая свобода буржуазно или бюрократическо-конституционного режима при экономической порабощенности, но мы не можем не оценить выгод признания элементарнейших прав личности. Поэтому мы на борьбу против деспотического и полицейского гнета смотрим, как на соответствующую интересам народа и партии, сочувствуем и вносим требование политических реформ в список ближайших требований Народной партии»³⁷. Однако по-настоящему широкого взгляда на содержание и формы политической борьбы у новой редакции «Черного передела» в России еще не было. Террор, как видно из краткого отклика третьего номера на событие 1 марта, она считала «почти единственным» в то время «целесообразным приемом борьбы против политического деспотизма». И вот в передовой статье этого номера появляется после одобрения политической борьбы протест «против направления массы новых сил (особенно рабочих) на деятельность, имеющую второстепенное значение для задач партии... в ущерб главной цели — организационной работе в массе населения»³⁸. В краткой статье «По поводу события 1-го марта» заявлялось, что чернопередельцы сочувствуют «террористическим фактам, подобным 1 марта,... как борьбе против политического деспотизма, имеющей целью улучшение внешних условий деятельности революционной партии», но протестуют против сосредоточения сил на этой борьбе и «главным образом» против мысли о возможности достижения таким путем «социальной революции»³⁹.

Читатель не может вынести ясное и отчетливое впечатление — что же имеет «второстепенное значение»: только террор или всякая политическая борьба. Поскольку террор почти отождествлялся вообще с политической борьбой, выходит как будто так, что вся политическая борьба хотя и беспорно приветствуется, все-таки остается на положении «второстепенного» дела.

Дальше обнаружился — пусть временно — значительно более резкий крен в сторону одобрения именно террора.

³⁵ Такая же формула — «поводы к массовой агитации» — фигурировала, насколько известно, в петербургском проекте программы 1880 г., но она не вошла в переработанный текст, опубликованный в № 2 «Черного передела».

³⁶ «Историко-революционный сборник», т. III, стр. 186.

³⁷ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 249—250.

³⁸ Там же, стр. 251—252, 266.

³⁹ Там же, стр. 267.

Первое марта оказало, несомненно, на большинство чернопеределцев очень сильное влияние, хотя оно, быть может, проявилось и не сразу. Через несколько дней после убийства Александра II Л. Дейч и В. Засулич отправили письмо Плехановым (Г. В. Плеханову и его жене Р. М. Плехановой), которое отразило еще смешанные, противоречивые чувства, переживавшиеся авторами. «Очень бы хотелось с вами, друзья, быть в это время,— писали они,— потолковать с вами, узнать ваши взгляды и впечатления после этого действительно грандиозного события». Им казалось, что 1 марта «еще более повредит социалистическому направлению в России (имелось в виду, очевидно, чернопеределчество.— Ш. Л.), если еще возможно повредить ему: все и вся будет теперь за террор»⁴⁰. Вспоминая потом на Карийской каторге свои настроения в ближайшие месяцы после 1 марта, Дейч писал, обращаясь к своему ближайшему другу Я. В. Стефановичу: «Лично я, начав еще при тебе (т. е. до отъезда Стефановича в Россию во второй половине 1881 г.— Ш. Л.) придавать первенствующее значение политической борьбе народовольцев, понимая под ней стремление добиться всевозможными способами политической свободы, мирился с некоторыми, хотя и довольно существенными в теоретическом отношении, разногласиями с террористами»⁴¹. Впоследствии, в воспоминаниях «Как Г. В. Плеханов стал марксистом» Дейч свидетельствовал, что после 1 марта он, Вера Засулич и Яков Стефанович считали возможным «дарование» конституции Александром III. «Мы считали недопустимым оставаться в эмиграции,— добавляет он,— когда на родине начинается «новая эра»...»⁴². В мемуарах Аксельрода, в свою очередь, говорится о сдвиге под влиянием 1 марта в умах чернопеределцев «в сторону политической борьбы, а отчасти в сторону народовольчества вообще»⁴³. Конечно, автору следовало, поскольку речь идет о первой части цитируемой фразы, говорить о *дальнейшем* сдвиге, о *следующем* моменте *ранее* обозначившейся эволюции (это уточнение вполне подтверждается предшествующим изложением самого мемуариста).

Еще более решительный, чем прежде, поворот к политической борьбе вообще и к положительной оценке террора у чернопеределцев, действовавших в России, виден из материалов № 4 «Черного передела» (сентябрь 1881 г.). В нем, впрочем, не чувствуется полного внутреннего единства. Статья «1-ое марта 1881 года»⁴⁴ содержит своего рода апологию политического террора. Она приходила к выводу, что актом 1 марта «нанесен непоправимый удар идее царизма и всей системе социальной и политической, на знамени которой красуется монархизм»⁴⁵. Она старалась показать положительное влияние конституционного режима на политическую жизнь страны и экономическое положение народа.

Сдержаннее передовая статья того же номера «Черного передела». В ней очень заметен элемент полемики с «Народной волей», в частности по вопросу о терроре, хотя автор проявляет в своей аргументации некото-

⁴⁰ Л. Дейч и В. Засулич. Письмо Плехановым.— «Группы «Освобождение труда», сб. № 2. М., 1924, стр. 219.

⁴¹ Л. Дейч. Из карийских тетрадей. В эмиграции.— «Группа «Освобождение труда», сб. № 4. М.—Л., 1926, стр. 128.

⁴² Л. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, вып. 1, М., 1922, стр. 75. Плеханов иначе оценивал положение после 1 марта. В статье «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли» он сообщает: «Я и в письмах к своим друзьям и на собраниях русской колонии в Париже,— где я жил в то время,— не раз высказывал свое убеждение о том, что «покончив» с Александром II, «партия Народной воли» нанесла смертельный удар самой себе и что на первое марта 1881 г. мы должны смотреть, как на начало конца «народовольства» (Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, М.—Л., 1926, стр. 27).

⁴³ П. Б. Аксельрод. Указ. соч., стр. 382.

⁴⁴ Статья приписывается К. Загорскому.

⁴⁵ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 299.

рую непоследовательность. В конечном счете статья, признавая за политическим террором «весьма значительную пользу», высказывает убеждение, что «выставлять его... на первостепенный план совершенно не следует»; только путем «сознательной, активной борьбы самого народа» в нем (народе) может пробудиться «уверенность в своих силах»⁴⁶. Устранению деспотизма автор передовой придавал «немалое значение», связывая с этим ряд «конечно, не коренных, не принципиальных, но все-таки довольно серьезных экономических реформ»; но он призывал не ставить вопрос о конституции «на первый план». Глубокий разлад народного мирозерцания с существующим порядком, революционное настроение масс — «все это,— говорил он,— заставляет партию ставить себе практическую задачу несравненно обширнее конституции (хотя бы даже так называемого «самодержавия народа»)»⁴⁷.

Как бы то ни было, но «Русский гость» (им, как известно, был Аксельрод под псевдонимом «Александровича»), выступивший в начале осени 1881 г. на международном социалистическом конгрессе в Хуре, имел полное право заявить, что «Черный передел» признал «необходимость специально политической борьбы для избавления народа от гнета абсолютизма»⁴⁸. Это признание пронизывает почти одновременно напечатанную в Женеве (в «Вольном слове») статью того же деятеля чернопеределческой фракции «Все для народа и посредством народа», которая, вместе с тем, подчеркивала характерное для чернопеределчества требование активного участия самих народных масс в движении. Автор доказывал, что в «мужицко-рабочей среде» имеется немало «очень осознательных исходных пунктов» для агитации в пользу политических реформ, реформ гораздо более радикальных, чем способны «требовать, или, вернее, вымалливать» русские земства и города, т. е. либеральные круги. «Чем сильнее,— писал он,— будет участие истинно народных элементов в общем составе реформирующих строй империи факторов, тем больше шансов отклонить направление равнодействующей всех этих преобразовательных усилий в сторону интересов «безграмотных и забытых»»⁴⁹.

Завершение в полном объеме сдвига «Черного передела» в сторону «политики» создавало, несмотря на сохранение у него ряда важных разногласий с «Народной волей», некоторые предпосылки для сближения чернопеределцев с народовольцами и даже для попыток их объединения (как известно, не увенчавшихся успехом). Идея объединения особенно одушевляла таких чернопеределцев, как Дейч, Стефанович, Засулич. Скептически относился к ней Плеханов (о чем он писал 31 октября 1881 г. П. Лаврову), но не потому, что он тогда отставал от друзей в отношении самого признания политической борьбы. В том же письме к Лаврову Плеханов писал: «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней»⁵⁰. В уже цитированной карийской тетради Дейч рассказывает, описывая осень 1881 г., что Плеханов тогда уже придавал «громадное значение» политической борьбе, причем «исходною точкою» для него «была не вера в особенности русского народа и в лучшую часть интеллигенции, как у народо-вольцев, а — марксизм»⁵¹.

⁴⁶ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 294.

⁴⁷ Там же, стр. 293. Имеется указание (правда, иногда оспариваемое) на принадлежность статьи А. Буланову.

⁴⁸ «Вольное слово», 1881, № 13, 1 ноября (20 октября), стр. 7 (перепечатано: «Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924, стр. 67—68).

⁴⁹ «Вольное слово», 1881, № 19 от 13(1) декабря, стр. 15, 17 (перепечатано: «Историко-революционный сборник», т. II, стр. 82, 85).

⁵⁰ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, М., 1940, стр. 206.

⁵¹ «Группа «Освобождение труда», сб. № 4, стр. 137.

Предисловие Плеханова к сделанному им русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, написанное в начале 1882 г., может служить красноречивым подтверждением свидетельства «каринских тетрадей» Дейча. «Взаимная зависимость и связь политических и экономических интересов трудящихся указаны в «Манифесте» с полной ясностью,— заявлял Плеханов в предисловии.— Авторы его сочувствуют «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений». Но, отстаивая ближайшие, непосредственные цели всякого революционного движения, они в то же время не упускают из виду его «будущности». Поэтому «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой»⁵². Плеханов, успевший уже шагнуть к тому времени дальше большинства, если не всех своих товарищей по пути к социал-демократии, в сущности ставший почти целиком на почву марксизма, призывал к «организации рабочего класса».

Постепенно остальные представители заграничной чернопредельческой группы «подтягивались» к Плеханову в смысле усвоения чисто марксистского понимания политической борьбы. «Венцом» этого процесса явилось, разумеется, основание в 1883 г. группы «Освобождение труда». Сложнее складывалось дело в довольно разносоставном (по идеологическим позициям) народническо-чернопредельческом лагере в самой России. К социал-демократии и здесь пришла известная часть чернопредельцев: стоит только напомнить, что некоторые крупные деятели «Черного передела» в России сыграли очень важную роль в организации так называемой «Партии русских социал-демократов» — «Благоевской» группы. Другие надолго задержались в «переходном» положении, составляя существенный элемент в электических кружках 80-х годов, пытавшихся — сознательно или бессознательно — сочетать элементы марксизма и народничества. Некоторые чернопредельцы ушли в «Народную волю», причем они пытались отчасти повлиять на направление ее деятельности в сторону усиления пропагандистско-агитационной работы в народе, в частности среди рабочих. Было немало и таких, которые упорно старались поддерживать существование отдельного народнического направления в духе чернопредельчества. Но в подавляющем большинстве случаев для представителей всех этих разновидностей и оттенков мысли отказ от анархистской или полуанархистской позиции «политического воздержания» являлся в 80-х годах более или менее прочно закрепленным достижением.

В исторической литературе поднимался вопрос о том, что же имело решающее значение в «выбивании» ортодоксальной ветви революционного народничества из ее прежних позиций относительно «политики». Н. Л. Сергиевский без серьезных оснований приписывал в этом особую роль Лаврову и лавризму (известно, что сами лавристы отклоняли постановку самостоятельных политических задач). О. В. Аптекман (во вступительной статье к перепечатке «Черного передела»), допустив сначала крайнее преувеличение роли одного из чернопредельцев (Аксельрода) в подготовке новой ориентации «Черного передела», в конце статьи давал значительно более *правильное* объяснение. Основными причинами и условиями сдвига по отношению к политической борьбе «были,— пишет он,— с одной стороны, подлый, трусливый разгул правительства Александра II, а с другой — захватывающий пример борьбы против него народолюбцев. Создалась атмосфера, насыщенная *политическим* гневом. Влияние *отдельных* личностей в этой драме было несомненно велико,

⁵² Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 150—151.

по размах этого влияния определялся основными причинами и ими же ограничивался»⁵³. Но Аптекман не учитывал в должной мере влияния революционной ситуации («атмосфера политического гнева» — лишь намек на нее). Кроме того, он не учитывал воздействия учения Маркса и западноевропейского рабочего революционного движения. Надо также полагать, что восприимчивость русских передовых рабочих к идеям политической борьбы, известная многим чернопередельцам из личного опыта, не осталась без влияния на ускорение процесса изживания ими элементов «аполитизма».

Само собой разумеется, что всё вообще течение социально-экономической жизни России, связанное с развитием капитализма — в условиях сохранения больших остатков крепостничества, являлось наиболее глубокой основой изменений в расстановке общественных сил и сдвигов в общественном сознании.

Сделаем еще одно замечание. Чернопередельцы, уже серьезно отошедшие в 1880 году от прежних позиций, уступали тогда народовольцам в остроте и резкости постановки политического вопроса. Но независимо от того, что и в народовольческом понимании «политики» были крупные изъяны, вскрытые потом Плехановым-марксистом и глубоко разъясненные В. И. Лениным, важно указать, что критические выступления, пусть часто непоследовательные и противоречивые, со стороны чернопередельцев по адресу терроризма и заговорщичества, с неизменным подчеркиванием принципа «освобождение народа — дело самого народа» составляли относительно сильную сторону чернопередельчества. Историческое значение «Черного передела» и состояло, между прочим, в том, что он явился противовесом некоторым явно ошибочным элементам народовольческой идеологии и помешал народовольчеству, как идейному направлению, безраздельно овладеть всей революционной ареной; это в какой-то степени воздействовало на самих народовольцев и, главное, сказалось на последующем ходе русского революционного движения.

⁵³ «Памятники агитационной литературы», т. I, стр. 103.